

ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Современная техногенная цивилизация¹, поставив во главу угла ускоренное развитие техники, научно-технический прогресс, породила ряд проблем, требующих философского осмысления. Первостепенная из них — проблема взаимоотношения человека и искусственно созданной им материально-технической среды, противостоящей естественно-природной среде и в то же время безгранично расширяющей потенциальные возможности самореализации человека, меняющей само представление о культуре, об Универсуме. Попытки разобраться в этих вопросах предпринимают все философские направления, и прежде всего философия техники, получившая широкое распространение в XX в., когда, как верно заметил Н. Бердяев, «вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры»².

Воздействие техники на духовную сферу общества вызвало к жизни такое сложное многоплановое явление, как технократическое сознание, генезис и функционирование которого избраны предметом данной статьи. Автор исходит из необходимости отказа от упрощенного противопоставления технократизма и гуманизма, пытается осмыслить технократическое сознание в более широком философско-социологическом контексте.

Прежде всего необходимо выяснить, когда взаимодействие техники и человека порождает тот феномен, который называют технократическим сознанием? Человек и технические средства труда существуют столько, сколько существует сам процесс материального производства. Исторически развитие технических средств (орудий труда) обогнало развитие человека в трудовом процессе, что породило несколько подходов к этому явлению: а) абсолютизацию технического прогресса с его последующей мифологизацией; б) недоверие к человеческому фактору производства, культуре в целом, поскольку человек в своем развитии никак не может угнаться за техникой и остается ведомым элементом в системе «человек — техника». Эта точка зрения нашла наиболее полное отражение в теории «культурного отставания» У. Огборна³.

Несмотря на зависимое положение человека в производственном процессе, технократическое сознание поначалу еще не существовало, поскольку на первом плане находилось господство неведомых человеку стихийных сил природы, его бессилие перед ними. В марксизме этому периоду соответствуют доисторические ступени культуры (дикость, варварство)⁴. Н. Бердяев называет эту стадию в истории человечества природно-органической, когда человек полностью зависим от объективного мира, не выделяет себя из природы, относится к ней как к объекту поклонения⁵. Это время господства мифологического и традиционного религиозного сознания, согласно которым человек и мир подчинены Высшей силе.

Технократическое сознание появляется как особая ориентация общественного сознания, как его направленность на абсолютизацию роли научно-технического фактора в общественном развитии только в эпоху Возрождения, на стадии активного овладения человеком природой и создания искусственной технической реальности. Однако вплоть до XX в. оно остается на вторых ролях, значительно уступая другим ориентациям (гуманистической, религиозной и т. д.). Технократическое сознание явилось детищем техногенной цивилизации со всеми ее плюсами и минусами, своеобразной попыткой ее осмысления. Оно впитало в себя главные ценности техногенной цивилизации: 1) оно базируется на объективном фундаменте научных законов (посему центральный элемент технократического сознания — технократическое мышление); 2) приоритетная роль отводится им технике, научно-техническому фактору в целом, а научно-технические инновации приветствуются как стимул и движущая сила развития общества; 3) привилегированная позиция в социальной структуре отводится научно-техническому элите как социальной группе, от которой напрямую зависит проведение в жизнь НТП и якобы базирующегося на нем социального прогресса.

Апогея технократическое сознание достигает на индустриальной стадии общества (или, по Бердяеву, на стадии машинизма). Исторически развитие формы технократического сознания возникли в передовых капиталистических странах в XX в., когда материальный базис (прежде всего, уровень развития техники) объективно созрел для новых общественных отношений (для обобществления производства, нового типа управления и организации

и т. п.). Не случайно первые «классические» технократические теории были созданы в Германии и США, а носителями технократического сознания стали инженеры, привилегированные технические специалисты, обладавшие реальной производственной властью, но лишённые власти политической. В технократических теориях обосновывалась идея так называемого «промышленного переворота», «революции управляющих»⁶, которые позволили бы научно-технической элите занять позиции элиты властвующей.

В современных индустриально развитых странах социальная база технократизма расширилась. Носителем технократического сознания выступает значительная часть «среднего класса». Это высококлассные технические специалисты, управляющие разных уровней, представители науки, тесно связанные с НТП и производством, владельцы и совладельцы средних и малых фирм, чье благосостояние «завязано» на внедрении научно-технических новинок, квалифицированные рабочие, — словом, все те, кто не мыслит существования цивилизации без современных научно-технических достижений, в чей образ жизни прочно внедрились наука и техника. Для этих слоев достоинства техногенной цивилизации многократно перекрывают ее недостатки.

Уровень развития технократического сознания как одной из основных ориентаций общественного сознания в индустриально развитых странах является косвенным показателем реального уровня их технико-экономического развития. Как способ духовно-практической ориентации человека в мире технократическое сознание отличается от других видов направленности (религиозной, политической и т. д.) общественного сознания своими ценностями и идеалами. Научно-технические слои, основные носители технократического сознания, чьи специфические интересы прежде всего оно выражает, как правило, становятся сознательными распространителями его идей и мифологем, привлекая под свои знамена довольно широкие слои, заинтересованные в быстром НТП: квалифицированных рабочих, служащих, многие отряды работников умственного труда. Чем больше сторонников находит технократическое мировосприятие и технократическая картина социальной реальности, тем более причудливыми мифами они облекаются. Практически современное технократическое сознание «подпитывается» и воспроизводится всеми реалиями западного мира. В нем переплетаются элементы сциентистского мышления, абсолютизирующего техническую рациональность и эффективность, с фаталистической верой в техническое всемогущество. Как на быденном, так и на теоретическом уровне технократическое сознание насыщено техномифами (такими, например, как **ФАБРИКА** — символ индустриального мира, **КОМПЬЮТЕР** — «опознавательный знак» информационного общества, **АВТОМОБИЛЬ**, **МЕГАМАШИНА** и др.). И это естественно: технический фетишизм всегда был присущ сознанию, сформировавшемуся в условиях техногенной цивилизации, сколь бы высокого уровня ни достигала научная мысль. Различие лишь в том, какое место занимают элементы мифологизации реальности в структуре сознания.

На наш взгляд, можно выделить три формы функционирования технократического сознания, связанные с уровнями проявления в нем технологического фетишизма: утопическую, мифологическую и прагматическую. Три формы проявления технологического фетишизма выделил Араб-Оглы⁷ на основе общего анализа товарного фетишизма, выполненного К. Марксом в «Капитале»⁸. Каждая форма технократического сознания соответствует преобладающей в ней форме технологического фетишизма (хотя остальные его формы тоже присутствуют в каждой из них).

Утопическое технократическое сознание — это, прежде всего, его теоретический уровень, воплощенный в теоретических построениях, в концепциях на базе технологического детерминизма (собственно технократических, менеджеристских, индустриалистских и, наконец, информационно-компьютерных). Оно функционирует в данном случае на уровне науки и идеалов. В утопическом технократическом сознании представлен систематизированный идеализированный образ технократического будущего, построенный в соответствии с требованиями науки и техники. Это чисто идеальная конструкция наподобие «идеального типа» М. Вебера. Решение большинства социально-экономических и политических проблем в утопическом обществе зависит от уровня компетентности и образованности научно-технической элиты, находящейся у власти, а также от информированности широких масс. В этих концепциях с помощью научных методов обосновываются идеи технократической революции, технократического правления и т. п. Типичный пример — американские концепции Ст. Чейза, Дж. Гэлбрейта и др.

Мифологическое технократическое сознание — это искаженная форма со-

знания, соединяющая некоторые, взятые «готовыми» черты технократической утопии и иррациональной, превращенной в миф действительности, «жизненного мира». Эта форма технократического сознания наиболее насыщена техномифемами и элементами фетишизма. При этом, как отмечает Ст. Хилл, из всех значимых мифологических символов создается некая мифологическая картина мира, «технология сама становится культурным текстом»⁹. Мифологическое сознание функционирует на уровне идеологии и пропаганды, с легкостью внедряется в обыденное массовое сознание. Историческим примером мифологической формы технократического сознания может служить упрощенный вариант технократического мироосмысления, присущий Г. Скотту и его сторонникам в 30-е гг. в США¹⁰, а также сложившееся у нас в настоящее время квазитехнократическое сознание, сплошь мифологизированное¹¹. Носителями данного типа сознания могут быть как сторонники НТП, так и его противники (гуманитарии — сторонники «романтизма»), как бюрократия, так и специализированные научно-технические круги и широкие слои населения. В литературе наиболее ярко этот тип сознания отражен у Л. Мэмфорда, Ж. Эллюля, Г. Скотта.

Прагматическое технократическое сознание — это чисто деловой, обыденный уровень сознания. Его основные элементы — научно-технические стереотипы, шаблоны инженерной и обыденной деятельности, исходящие из приоритета научно-технических средств в решении любой проблемы. Оно может быть ярко эмоциональным, иметь четкую духовно-практическую направленность. Его носителями являются, кроме специалистов, и широкие круги населения, через которые утверждаются (в межличностном общении, в семейно-бытовой сфере, в воспитании и т. п.) стереотипы, эмоции, характерные для прагматического сознания. На этом уровне любая проблема предстает как решаемая техническими средствами, раскладывающаяся по полочкам. Например, ликвидация последствий радионуклидного заражения населения в результате аварии в Чернобыле предстает как проблема обеспечения населения соответствующими дозиметрическими приборами, а медицинских учреждений — новейшей техникой, лечебными препаратами и т. д. Типичные примеры проявления прагматического уровня технократического сознания приводят норвежский ученый Т. Норденстам и советский психолог В. Зинченко¹².

В реальном обществе могут одновременно сосуществовать несколько форм технократического сознания. В логическом плане прагматическое сознание является производной формой от мифологического либо утопического сознания, это как бы «сниженное», обыденное сознание. Преодолеть технократические стереотипы труднее всего на этом уровне: ведь именно здесь оно может подкрепляться различными реальными фактами успешного научно-технического развития, которые при желании можно истолковать в пользу технократизма.

Все упомянутые формы технократического сознания являются традиционными и редукционистскими. Они недооценивают роль нравственных императивов в общественной жизни, подводят под мораль прагматическую рационалистическую основу, не учитывают возросшее значение экологии в современном обществе. В условиях нравственного кризиса общества и обострения экологических проблем в конце XX века подобные формы мировосприятия неизбежно вытесняются другими, более адекватными изменяющимся социальным условиям, либо подвергаются коренной реконструкции.

Для технократизма путь обновления и трансформации начался в 70-е гг. с развития новейших концепций информационно-компьютерного общества Й. Масуды, Э. Тоффлера, Дж. Найсбита и др. авторов, когда в ткань традиционных технократических представлений о «технологической цивилизации» были включены идеи, ориентированные на человека, а сугубо техницистские идеалы и нормы потеснены идеями синергизма, глобализма и самоактуализации личности.

Таким образом, по мере развития информационно-компьютерной революции и перестроения западного общества из индустриального в информационное технократическое сознание претерпевает существенные изменения. Оно, будучи весьма адаптивным и эклектичным, впитывает в себя ценности новой модели общественного устройства, абсолютизирующей роль компьютерной техники и информации: признание наряду с технологической, экологической и нравственной детерминант общественного развития, новую роль человека в производственном процессе, переориентацию с потребительских установок на ценности гармонического развития индивида и общества, признание целостности Универсума, в котором природа и общество неразрывно

взаимосвязаны. Новый вариант технократического сознания¹³ плюралистичен и сохраняет неизменной только ведущую роль научно-технического фактора в преобразовании мира, человека, его образа жизни. Этот новый вариант включает лучшие элементы как рационалистически-позитивистского, так и антропологического направления (в традиционном их понимании). На наш взгляд, синтетический вариант технократического сознания имеет реальные шансы на будущее.

В информационном обществе сама новая компьютерная технология требует существенного возрастания роли человеческого фактора в производстве. Более того, она предлагает возможность индивиду наконец-то подняться до роли активного субъекта исторического процесса, творца. В этом смысле можно говорить о начале перехода из царства необходимости (доиндустриальная цивилизация + индустриализм) в царство свободы (высшая стадия информационного общества). Новая технология, дав необходимый стимул творческому саморазвитию личности, затем как бы отходит на второй план, вступает в гармонические взаимоотношения с развившимся до высоты творческой личности индивидом. С этого времени, по мнению авторов информационных концепций, можно будет говорить о возможном компромиссе между «техническим разумом» и принципами «экологического гуманизма». Повидимому, этот путь компромисса (если он осуществим) наиболее приемлем с точки зрения сохранения основных научно-технических достижений техногенной цивилизации и предотвращения гибели человеческого общества (в глобальной экологической катастрофе или ядерной войне).

Что касается советского общества, то в нем реальное технократическое сознание не получило сколько-нибудь существенного развития, несмотря на старания ряда социальных критиков объяснить провалы в советской экономике и политике «проявлениями технократизма». Причина недостаточного развития технократического сознания — прежде всего, низкий уровень собственно индустриального развития советской экономики и общества: низкая производительность труда, резкое торможение НТП, высокий процент ручного неквалифицированного труда, низкий профессионализм управленческого аппарата, примат идеологии и политики над экономическими законами и т. д. Вместе с тем в советском обществе культивировалось так называемое квазитехнократическое сознание, которое «подпитывалось» мифами о «передовых позициях» нашей страны в научно-технической революции, о «рационализме» плановой системы хозяйствования, о «лучшей в мире» советской науке и технике и т. п. Наличие этого мифа служило господствовавшей административно-командной системе идеологическим прикрытием, с помощью которого общественному сознанию внушалась мысль, что вину за те или иные ошибки, кризисные явления следует возложить на технократию. Партийно-бюрократическая элита умело уводилась из-под критики, а трудящиеся массы верили, что, избавившись от элементов технократизма, общество достигнет желаемого высокого уровня социального развития и материально-го процветания.

Реальность постепенно рассеивает эти иллюзии. Разоблачение псевдотехнократического мифа, наряду с ускорением коренных экономических преобразований в реальной жизни, — это конкретный шаг на пути к гармонизации взаимоотношений в системе «человек — техника» в нашем обществе, к его постепенному мучительному восхождению на современный уровень техногенной цивилизации.

¹ См.: Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3.

² Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147.

³ Ogburn W. F. On culture and Social Change. Chicago, 1964.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 33.

⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 149.

⁶ Veblen T. The Engineers and the Price System. New-York, 1921; Buraham J. The Managerial Revolution. New-York, 1941.

⁷ Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее. М., 1986. С. 72—73.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 82.

⁹ Hill S. The Tragedy of Technology. London, 1988. P. 87.

¹⁰ См.: Akin W. Technocracy and American Dream. Berkeley, 1977.

¹¹ См.: Титаренко Л. Г. Технократическое сознание: присуще ли оно советскому обществу? // Философ. науки. 1991. № 1. С. 3.

¹² См.: Вопросы философии. 1990. № 1. С. 33; Nordenstam T. Technocratic and humanistic Conceptions of development. Helsingborg, 1985. P. 22.

¹³ Masuda J. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, 1983.